

Неделя. 1990. — 30 апр. — 6 мая.

— (№ 18). — С. 11.

Незадолго до смерти Аркадий Райкин закончил свою книгу воспоминаний. В ней читатель найдет рассказ о детстве, юности, зрелом периоде творчества выдающегося мастера советской эстрады. Рассказ этот, то окрашенный мягким райкинским юмором, то лиричный, то немного грустный, дает представление о корнях искусства Райкина, его взглядах на жизнь, о том, как тяжело приходилось ему порой работать, о живых связях с выдающимися писателями, учеными, актерами, режиссерами, с которыми мастер встречался на своем жизненном пути. Книга А. Райкина «Воспоминания» скоро выйдет в издательстве СТД РСФСР тиражом 50 тысяч экземпляров. Остается сожалеть, что этот тираж совершенно несоизмерим с огромной популярностью великого артиста. Будущих читателей книги ожидают те же трудности, что и зрителей, пытавшихся попасть «на Райкина». Предлагаем вниманию читателей фрагмент из этой книги.

ВСТРЕЧИ НА «ВЫСШЕМ» УРОВНЕ

Аркадий РАЙКИН

Английский посол, ценитель юмора, посещал наши спектакли. Я об этом ничего не знал, но вот как-то с женой получаем приглашение приехать на один день из Ленинграда в Москву с тем, чтобы выступить в английском посольстве. Посол возвращался в Англию и устраивал прощальный вечер.

Утром машина встретила нас на вокзале и отвезла в посольство на завтрак, который давала супруга посла. Нам показали посольство, подарили какие-то журналы, пластинки. После обеда поехали в гостиницу «Москва», чтобы отдохнуть. А вечером — снова посольство. Для концерта, кроме обычных вещей, я приготовил специальный номер.

Нас поблагодарили, отвезли на вокзал, посадили в «Красную стрелу». Так закончился день, проведенный как бы на английской земле.

Через какое-то время я получил предложение подготовить программу для английского телевидения. На Би-би-си открывался новый тринадцатый канал, и по этому случаю приглашались артисты из разных стран.

Это потребовало от нас основательной подготовки, ежедневных занятий с преподавателями английского языка. Формируя репертуар, мы понимали, что надо брать вещи понятные и близкие всем зрителям, независимо от национальной и социальной принадлежности.

В наших миниатюрах, показанных англичанам, речь шла о том, что жизнь нельзя разменивать на мелочи, о неудавшейся любви, об одиночестве. В сатирических персонажах, над которыми мы смеялись, англичане увидели своих собственных взяточников и бюрократов.

— Вот вы показываете бюрократа, а ведь известно, что истинный бюрократ родился в Англии, — говорили нам. — А вашу хитрость — дать персонажам русские имена для отвода глаз — мы, конечно, раскусили...

Кроме нескольких товарищей по театру, в качестве партнера я пригласил англичанина Била Кемпбелла. Сын одного из руководителей коммунистической партии, он в семнадцать лет приехал в Советский Союз. Работал на радио, исполнял песенки в программах Утесова, снимался в эпизодической роли в «Веселых ребятах». Общение с ним помогло мне лучше освоить английскую речь.

В Лондоне для нас было снято специальное помещение, где мы вместе с режиссерами, осветителями, звукорежиссерами репетировали в течение десяти дней по восемь часов ежедневно. Нашими первыми зрителями, за реакцией которых я внимательно наблюдал, стал технический персонал студии. На съемку пришли также люди, заранее купившие билеты. Таким образом, программа, рассчитанная на один час пятнадцать минут, сопровождалась живой реакцией.

Все прошло успешно, о чем свидетельствовали рецензии в «Таймс» и «Дейли мейл». Англичане заключили с нами контракт еще на четыре такие программы.

Вторую мы показали меньше чем через год. Стали готовить третью. Но тут вызывает меня министр культуры Е. А. Фурцева:

— Аркадий Исаакович, вы ведь уже, кажется, были в Англии?

— Был.

— Ну, пусть теперь поедет Зыкина.

Что можно было возразить? Действительно, пусть поедет. Хорошая артистка. Екатерина Алексеевна Фурцева по-житейски, конечно, была женщиной неглупой. Но, чтобы быть министром культуры,

этого, наверное, мало. Нужно еще специальное образование или хотя бы любовь к искусству. Она же ходила в театры, на концерты, на выставки, лишь когда нельзя было не пойти. Когда кого-то сопровождала. В общем-то я вспоминаю ее добром, думаю, что другие наносили более серьезный ущерб искусству, грубо вмешиваясь в творчество того или иного художника. К тому же к концу своей деятельности она чему-то научилась.

Но так или иначе, а контракт с Би-би-си был разорван, по нему заплачена огромная неустойка. После чего в Англию нас уже не приглашали.

Вспоминается еще одна, примерно пятнадцатилетней давности, история. Не какой-то неизвестный человек, а в ту пору заведующий отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро сказал, глядя мне прямо в глаза:

— Что там «Голос Америки» или Би-би-си! Стоит в центре Москвы человек и несет антисоветчину!

Оказывается, то, что я делаю, — «антисоветчина»! И это говорит не кто-нибудь, а человек, направляющий развитие культуры в нашей стране!

Обычно в разговорах с Шауро трудно было понять, что конкретно вызвало его недовольство. Случалось, в более спокойных ситуациях, я показывал ему текст и говорил:

— Ну, давайте посмотрим! Что здесь не так?

— Нет, что вы! Текст — это ваше дело! Мне говорили, что он бывал на наших спектаклях. Но я его никогда не видел, и своего мнения он не высказывал.

В той критической ситуации, когда он обвинил меня в антисоветчине (хорошо еще не назвал врагом народа), стало ясно, что продолжать работу трудно, если не невозможно. Вот тогда-то прямо из его кабинета на Старой площади меня увезли в больницу с тяжелым инфарктом. Приехала «скорая помощь», уложили на носилки — никто не шелохнулся, не извинился. Только внизу гардеробщица, увидев носилки, сказала доброе слово.

Чтобы закончить эту довольно мрачную страницу моей жизни, скажу, что уже лежа в Кунцевской больнице, я получил письмо от главного редактора «Правды» М. В. Зиминына. Он писал, что все обрадуется. Не обращайтесь внимания на эти обвинения, «держите хвост морковкой». Надо заметить, что с Зиминыным мы познакомились во время гастролей нашего театра в Чехословакии, где он был тогда послом. Получив его дружеское письмо, я воспрял духом. В тот момент оно меня очень поддержало...

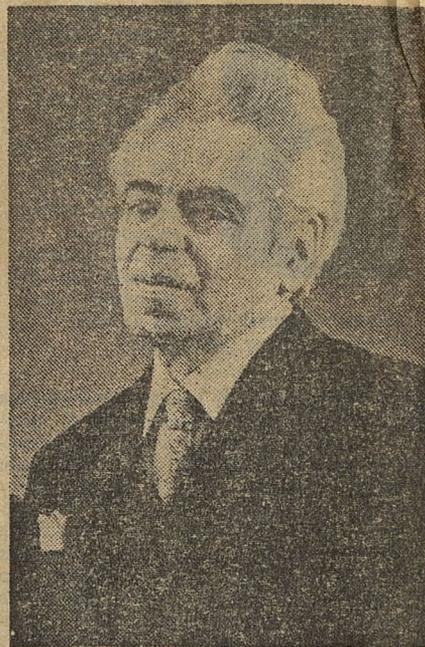
СЛУЧАЛИСЬ и выстрелы в спину. Это было после того, как я исполнил монолог Л. Лиходеева, в котором были ленинские цитаты. Высказывания В. И. Ленина о бюрократизме как бы сопоставлялись с тем, что происходило тогда, в начале 70-х годов.

Мне было сказано, что цитировать В. И. Ленина не надо.

— Почему?

— Ну, знаете, вдруг вы что-то неточно скажете. Да и подбор цитат какой-то не тот.

Я не сразу понял, что дело совсем не в возможной неточности цитат, а в боязни этих людей за свои места. Как же они так оплошали, что пропустили подобное! Ведь получалось, что за пятьдесят с лишним лет корни бюрократизма, о котором предупреждал Ленин, еще углубились, а крона его пышно разрослась.

Но мало того, что мне вычеркивали цитаты Ленина. Была запущена сплетня. Оказывается, я отправил в Израиль гроб с останками матери и вложил туда золотые вещи!

Впервые я узнал это от своего родственника. Он позвонил мне в Ленинград и с возмущением рассказал, что был на лекции о международном положении на одном из крупных московских предприятий. Докладчик — лектора из райкома партии — кто-то спросил: «А правда ли, что Райкин переправил в Израиль драгоценности, вложенные в гроб с трупом его матери?» И лектор, многозначительно помолчав, сказал: «К сожалению, правда».

Жена тут же позвонила в райком партии, узнала фамилию лектора и потребовала, чтобы тот публично извинился перед аудиторией за злостную дезинформацию, в противном случае она от моего имени будет жаловаться в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС — председателем его тогда был А. Я. Пельше. Ее требование обещали выполнить и через несколько дней сообщили по телефону, что лектор был снова на этом предприятии и извинился по радиотрансляции. Якобы этот лектор отстранен от работы.

Хочется верить, что так оно и было на самом деле. Но на этом, к сожалению, не кончилось. Я в очередной раз слег в больницу. Театр уехал без меня на гастроли. И вот, удивительно, всюду, куда бы наши артисты ни приезжали, к ним обращались с одним и тем же вопросом:

— Ну, что же шеф-то ваш так оплошал? Отправил в Израиль...

Словом, всюду — в Москве, в Ленинграде, в Ворошиловграде — одна и та же версия. Считали, что я не участвую в гастрольях отнюдь не из-за болезни. Что чуть ли не в тюрьме...

Выйдя из больницы, я пошел к В. Ф. Шауро.

— Давайте сыграем в открытую, — предложил я. — Вы будете говорить все, что знаете обо мне, а я о вас. Мы оба занимаемся пропагандой, но не знаю, у кого это лучше получается. Вы упорно не замечаете и не хотите замечать то, что видит все. Как растет бюрократический аппарат, как берут взятки, расцветает коррупция... Я взял на себя смелость говорить об этом. В ответ звучат выстрелы. Откуда пошла сплетня? Почему она получила такое распространение, что звучит даже на партийных собраниях?

Он сделал вид, что не понимает, о чем речь, и перевел разговор на другую тему.

Но самое смешное — это помогло. Как возникла легенда, так она и умерла.

Однако шейф остался. После публикации в «Ленинградской правде» статьи, в которой давалась высокая оценка спектаклю (где был упомянут выше монолог Лиходеева), в редакцию приехал секретарь по пропаганде Ленинградского обкома В. Г. Захаров. По-видимому, его прислал Г. В. Романов — в ту пору первый секретарь обкома, чье раздражение я вызвал еще и своим телеинтервью, сказав, что на меня произвели сильное впечатление спектакли БДТ «Три мешка сорной пшеницы» и «История лошади» (они не понравились Романову). Захаров устроил в редакции разнос: «Что вы там написали «театр всегда актуален»? Ну, и пошло и поехало. Газете было дано указание забыть о нашем театре.

Христианская религия говорит: если тебя ударили по левой щеке, подставь правую. Что же, может быть, такие любители есть! Я таких не встречал. Меня же били и по правой, и по левой, а за неимением третьей — все начиналось сначала.

Вот мы сваливаем все на время. Верно ли? Оно ведь субстанция безучастная. Вероятно, дело не во времени, а в людях, живущих в это время. В их поведении.